

Луиза Подгаўская

ЗЛОЎ РОК
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА

Лілі гурэ анімаці аў джэі а маіам ааааа аа а а а а аааа

Лилия Подгайская

Злой рок короля Генриха

Серия «Тюдоры»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19021778
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Первый король из династии Тюдоров ухватился за доставшуюся ему власть руками и зубами. И принялся устанавливать свои законы и чинить своё правосудие, дорого стоящее англичанам. Многие дворяне, даже самого знатного рода, заплатили за это своей жизнью уже после злополучной битвы при Босуорте, в которой пал преданный неверными подданными Ричард III. И безгранично тяжёлой оказалась судьба женщин из противостоящего королю лагеря – они теряли дом, дорогих людей, любовь, свободу и нередко саму жизнь. Мало кому из них удалось выскользнуть из-под тяжёлой руки нового короля. А самого Генриха много лет терзала тайна, которую так и не удалось разгадать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лилия Подгайская

ЗЛОЙ РОК

КОРОЛЯ ГЕНРИХА

Глава 1

Молодой граф Бэкхем

*Англия, Лондон,
Весна 1487 года*

Пятнадцатилетний Реджинальд Потри, граф Бэкхем стоял перед королём Генрихом Тюдором. Он только что был возведён в рыцарское достоинство и принёс присягу на верность своему сюзерену. В толпе присутствующих на церемонии придворных он видел полные слёз изумрудные глаза матери и горящие восхищением чёрные глаза сестры, так похожие на его собственные и на глаза отца. В душе молодого графа не было радости, в ней бушевала буря. Ненависть и ярость боролись со здравомыслием и чувством долга. Если бы только мог, он, не колеблясь, обрушил бы свой меч на голову сидящего перед ним самодовольного человека. Но на плечах юного графа лежала огромная ответственность за

владения Бэкхемов и всех подвластных ему людей, за жизнь и благополучие обожаемой матери и любимой сестры. Пойди он на поводу у своих чувств, и всем, кого он любит, придёт конец. Этого допустить он не мог и потому держал себя в узде. Но лучше бы ему пореже видеть этого человека с короной на голове. Коронай, на которой навсегда остались пятна крови благородного Ричарда III, погибшего на поле битвы.

В той битве при Босуорте два года назад, когда Генрих Тюдор победил Ричарда Йорка, погиб отец Реджинальда граф Эдгар Бэкхем. Он, как и молодой король, не пожелал отступить перед лицом опасности, когда бездействие графа Нортумберленда и прямая измена лорда Стэнли обеспечили перевес сил претендента на трон, и ринулся в самую гущу сражения, отчётливо понимая всю безнадёжность этого отчаянного шага. Но король не пожелал ни бежать с поля битвы, ни сдаваться в плен. Он предпочёл смерть в бою, с мечом в руке и с короной на голове. Граф Эдгар Бэкхем, ставший близким сподвижником короля за два года его царствования, устремился за своим сюзереном, пытаясь по возможности прикрыть и защитить его. Они и полегли рядом, изрубленные боевыми топорами окруживших их противников. Всё это поведал мальчику чудом уцелевший в том побоище капитан отряда его отца сэр Энтони Болтон, ставший его воспитателем.

Сэр Болтон часто рассказывал своему воспитаннику о последних днях жизни его отца. О тех днях, когда реша-

лась судьба Англии. Тогда закончилась власть Плантагенетов, правящих страной в течение трёх с лишним столетий, и началась эра Тюдоров. И никто пока не знал, что принесёт с собой эта перемена.

Лорд Стэнли был очень горд тем, что его рукой была надета корона Англии на голову его пасынка. Корона, ещё не успевшая утратить тепло тела убитого Ричарда и забрызганная его кровью. Но какое это имело значение? Лорд Стэнли нынче был почти равен знаменитому «кингмейкеру» графу Уорвику. Но он забыл, что граф, поступая сумасбродно и даже вероломно, одерживал свои победы всё же в честном бою. А когда победить не смог, пал с мечом в руке. И ещё забыл благородный лорд, что тогда, после страшного побоища при Барнете король Эдуард пощадил его, сохранил ему жизнь. Зато теперь лорд Стэнли не пощадил его брата и предал его. Не он первый и не он последний считал, что в борьбе за власть хороши все средства, лишь бы достичь желаемой цели.

А для подрастающего Реджинальда отец был всем. Мальчик всегда обожал свою ласковую и заботливую красавицу-мать, но отец был у него на особом пьедестале, недостижимом для других смертных. Он был в глазах сына почти что божеством, сильным и прекрасным воином, подобным самому Святому Георгию. И в то же время был близким и доступным. Это он научил сына сидеть в седле и орудовать своим первым маленьким мечом. Научил понимать рыцар-

ское достоинство и гордиться честью семьи. Он много рассказывал сыну о его родном деде, графе Ральфе Бэкхеме и его неизменной преданности династии Ланкастеров, за которую он заплатил жизнью, бестрепетно взойдя на эшафот после поражения, нанесённого силам ланкастерцев королём Эдуардом. Жаль, что отец не успел дать ему больше. Но эту утрату по возможности восполнил сэр Энтони Болтон, бывший рядом с отцом многие годы и знавший его как никто другой. Воспитатель не только рассказывал ему об отце, он обучал его воинскому мастерству, создал ему боевой отряд, которым можно было гордиться, и сам стал его капитаном. Понесённое увечье не помешало bravому рыцарю остаться в строю. На культю потерянной правой руки он приделал крюк, с помощью которого держал щит, и лихо рубился левой рукой, достигнув в этом большого совершенства.

Свою лепту в воспитание Реджинальда как воина внёс и старший брат его отца Филипп Потри, барон Стэнхем. Он был прекрасным воином и всё, что мог, сделал для племянника. Старый барон Стэнхем, дед мальчика, не так давно скончался – он не смог пережить двойную потерю, постигшую его. В один год он потерял и сына, и жену.

Никто не ожидал, что старый барон так отреагирует на смерть супруги. Он всю жизнь утверждал, что глупо зависеть от каких-то там чувств, главное быть сильным и стойким. Пока жена была рядом с ним, он, казалось, не замечал её. Но когда тяжёлая болезнь свалила баронессу с ног, и тень смер-

ти уже витала над ней, старый барон потерял покой. Супруга Филиппа рассказывала, что он часами просиживал возле постели больной жены, держа её за руку и вымаливая прощение.

– Простишь ли ты меня когда-нибудь, Белинда? – шептал он жене, целуя исхудавшую руку. – Ведь я не дал тебе той любви, какой ты всегда заслуживала.

– Не убивайся так, Уильям, – отвечал ему слабый голос баронессы, – я-то всегда любила тебя, и этой любви хватило на двоих. Но я очень рада, что в мой смертный час ты рядом со мной.

Она так и испустила дух, крепко держась за руку мужа. А он горько рыдал над её остывающим телом.

Да, жизнь не была слишком ласкова с юным Реджинальдом, и за последние два года он узнал и пережил столько, что сразу повзрослел. И вот в свои пятнадцать лет он уже совсем не мальчик, но молодой и сильный духом мужчина, опоясанный рыцарь, который стоит перед своим королём. В сердце его пылает ненависть к этому человеку, а уста произносят слова присяги на верность. И юный граф знает совершенно точно, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не изменит этой клятве.

– Я надеюсь, мой юный рыцарь, – прервал мысли Реджинальда вкрадчивый голос короля Генриха, – что ты станешь так же верно служить нам, как твой дед служил нашим предкам Ланкастерам. Мы знаем, что граф Ральф Бэкхем был об-

разцом верности и чести. Верим, что ты не посрамишь памяти деда.

Тут Генрих нахмурился, и голос его потерял всю свою мягкость.

– Думается, что очень скоро, – добавил он, сурово глядя на Реджинальда, – тебе представится возможность показать на деле, достоин ли ты своего деда. Приближается время новых сражений. Битвы не за горами.

Король Генрих знал, что говорил. Его положение на троне было весьма неустойчивым. И хотя продолжительная, более чем тридцатилетняя война между двумя ветвями дома Плантагенетов унесла жизни почти всех, кто мог претендовать на корону Англии, спокойствия в стране не было. Угроза со стороны Йорков оставалась ощутимой. И все два года после победы при Босуорте Генрих ощущал кожей это глухое брожение, время от времени прорывающееся мелкими мятежами и даже попытками покушения на его жизнь. Он, конечно, принял свои меры и убрал всех, кто мог быть опасен. Но оставался ещё Эдуард Плантагенет, граф Уорвик, сын Джорджа Йорка, герцога Кларенса. Он, разумеется, в Тауэре, и охраняют его бдительно. Однако на свободе верный сподвижник короля Ричарда виконт Фрэнсис Ловелл, бежавший во Фландрию. Туда же недавно скрылся и Джон де Ла Поль, граф Линкольн, который на вполне законных основаниях претендовал на трон после своего дяди Ричарда III, не имевшего на момент гибели прямых наследников. Их активно поддержива-

ла сестра обоих королей из семьи Йорков Маргарет Бургундская. А герцогиня, люто ненавидевшая пришедшего к власти Тюдора, имела не только горячее желание, но и большие возможности поддержать его врагов.

Да, ситуация была очень сложной. Сторонники Йорков разработали исключительно хитрый ход. Им удалось найти мальчика, внешне похожего на сыновей Эдуарда Йорка. Бедный сирота Ламберт Симнел был учеником священнослужителя Ричарда Саймона, тайного сторонника Йоркской партии. И тот постарался на славу, обучив юного претендента на престол всему, что требовалось знать и уметь в его положении. Сам священник мечтал стать в случае успеха архиепископом Кентерберийским, ни больше, ни меньше. И вот десятилетний мальчик объявлен королём Эдуардом VI, а его сторонники собирают силы в Ирландии.

Слухи о готовящемся мятеже тревожили Генриха. Он поспешил арестовать и заключить в монастырь Бермондси вдову Эдуарда IV Элизабет Вудвилл и взять под стражу её старшего сына маркиза Дорсета. Но большого облегчения это не принесло. Король готовился к битве.

Генрих имел хорошую службу оповещения и быстро получил информацию о том, что 4 июня претендент высадился в Фернессе, в графстве Ланкашир. Его осведомили также и о силах противника. Этот мальчик вёл за собой наёмное войско и ирландских добровольцев под предводительством сэра Томаса Фицджеральда. Эти силы составляли костяк его

армии, и он надеялся, как донесли королю, пополнить ряды своих сторонников уже в Англии. Во всяком случае, Йорк без сопротивления открыл ему ворота.

Эти тревожные новости застали Генриха в Ковентри, где традиционно проводились королевские советы, и началась активная подготовка к отражению вторжения. Местом сбора королевской армии был назначен Ноттингем. Во все концы королевства поспешили гонцы, собирая верных королю вассалов.

Когда королевский гонец прибыл в замок графа Бэкхема, Реджинальд незамедлительно стал готовиться к военной кампании. Пришло время узнать, чего он стоит, и показать, на что способен. Отряд был готов выступить в поход уже на следующий день.

Графиня Луиза с опухшими красными глазами проводила, однако, сына, как и положено. Но сердце её щемило. Слишком свежи были воспоминания о прошлых битвах, унёсших жизни её отца и мужа. Было очень больно думать, что гибель может грозить и её сыну. Сердце женщины было не на месте, и она вместе с дочерью отправилась в монастырь в Борли, где уже много лет обреталась бывшая графиня Сесилия Бэкхем, а ныне сестра Бенедикта. Там, в тиши монастырской церкви они все трое истово молились, прося Пресветлую Деву Марию защитить юного графа, сохранить ему жизнь.

Сестра Бенедикта, несмотря на преклонные годы и стро-

гое монашеское одеяние, была всё ещё хороша собой. И здесь, когда женщины были рядом, стало особенно заметно, насколько юная Сесилия похожа на старую графиню. «Хоть бы только девочка была счастлива в жизни, – думала пожилая женщина. – Дай Господь ей избежать бед, выпавших на долю бабушки и матери». Хотя в их многострадальной стране, раздираемой бесконечными распрями и борьбой за власть, редкой женщине удавалось избежать вдовьей доли.

Бывшая графиня Бэкхем была очень взволнована событиями последних дней. Душа её была исполнена тревог и опасений, которыми она не стала делиться с дочерью, чтобы не огорчать её ещё больше. Она видела, что сердце Луизы беспокойно: графиня побледнела, осунулась и как-то погасла. Её тревоги были понятны матери.

Но к этим волнениям, вполне объяснимым реальными событиями, у сестры Бенедикты добавлялась необъяснимая тревога по причине странного явления, наблюдаемого ею накануне приезда дочери и внучки. В ту ночь ей почему-то не спалось, и она после полуночи выскользнула из своей кельи и стала прогуливаться по длинной аллее, вдоль которой росли высокие тисы. Полная луна светила ярко и было видно почти как днём. И вдруг прямо перед собой, буквально в нескольких шагах, она увидела призрачный силуэт женщины, одетой в чёрное монашеское платье. Сестра Бенедикта замерла на месте, как и призрачная женщина в нескольких шагах от неё. Так стояли они несколько долгих мгновений. Монахи-

не казалось, что призрачная женщина, такая печальная, хочет что-то сказать ей, о чём-то предупредить. Но та шагнула в сторону, скрывшись в тени деревьев, и растаяла, как и не было её.

Сестра Бенедикта простояла на месте ещё несколько минут, не в силах сделать и шага, потом резко повернулась и быстро, почти бегом, устремилась к своей келье. Ей стало страшно от непонятных тяжёлых предчувствий, вдруг охвативших её душу.

Как и все здесь, она слышала старую легенду. Вскоре после возведения этого бенедиктинского монастыря возле деревни Борли, ещё сто с лишним лет назад, сюда попала молодая красивая женщина, всегда очень печальная. Попала не по своей воле. А вскоре в мужском монастыре в городке Бюзе, неподалёку от Борли, появился молодой монах, высокий, сильный и красивый. Как это случилось, не знал никто, но эти двое нашли способ видеться. Говорили, что они собирались сбежать вместе, однако их планы были предательски раскрыты. Обоих схватили, подвергли церковному суду и приговорили к смерти. Приговор привели в исполнение. Причём женщину подвергли очень жестокой казни – её живой замуровали в толстой каменной стене. Прошло несколько месяцев, и в этих местах стал появляться призрак печальной женщины в монашеском облачении. Говорили, что он всегда предвещал несчастья тому, кто его видел.

Кому предсказывал злую долю призрак на этот раз? Мыс-

ли женщины были, конечно, с её внуком, ведь он уехал воевать. Пятнадцатилетний мальчик – и первое сражение. Было от чего прийти в отчаяние.

А Реджинальд со своим отрядом продвигался к Ноттингему и достиг цели своевременно. Тут собралась немалая армия – до шести тысяч человек. Сам король был тоже здесь, наблюдая за событиями, а во главе армии поставил Джона де Вера, графа Оксфорда и Джорджа Стэнли.

Джон де Вер, тринадцатый граф Оксфорд был, пожалуй, самым доверенным лицом Генриха в военных вопросах. Свою воинскую славу он завоевал ещё в битве при Барнете, когда сражался на стороне Ланкастеров. Затем в его жизни было много приключений. В ней были эмиграция, пиратские набеги на земли Йорков, пленение, тюрьма, побег. А потом он стал главным военным советником Генриха Тюдора. Да, это был опытный воин и знаток военного искусства. Джордж Стэнли, лорд Стрэндж был сыном того самого Томаса Стэнли, что надел корону на голову Генриха. Ему можно было доверять.

Армия йоркистов, которая шла из Ланкашира, насчитывала около девяти тысяч человек. Это были, в основном, плохо вооружённые и недостаточно обученные, но рвущиеся в бой ирландцы, однако с ними шли около двух тысяч германских наёмников, воинов опытных, сильных и стойких. Англичан к мятежникам примкнуло намного меньше, чем ожидалось. Уставшие от нескончаемой войны люди предпочли

остаться в стороне от опасных событий. Во главе армии стояли Джон де Ла Поль, граф Линкольн, племянник и наследник короля Ричарда и верный друг и соратник Ричарда Йорка виконт Фрэнсис Ловелл.

15 июня обе армии сблизились. Повстанцы перешли вброд реку Трент и заняли позиции на холме близ Ист Стоука. Силы короля продвигались к Радклиффу. И вот, наконец, на следующий день с утра началось сражение при Стоук Филде. День был солнечный и жаркий. Тяжело было всем, но особенно рыцарям, закованным в железные доспехи. Правда, длилось сражение не больше трёх часов. И за это время полегло более шести тысяч человек – две тысячи со стороны короля и остальные из повстанческой армии.

Королевские силы первыми пошли в атаку, разделившись на три части. Реджинальд был в левом крыле, против которого стояли ирландские повстанцы и примкнувшие к ним англичане. Возле него всё время неотступно были его воины, а капитан старался прикрыть его, яростно размахивая мечом в левой руке, что дезориентировало противников и усложняло их действия. И всё же молодому графу было очень нелегко. Он весь взмок от усилий, солнце слепило глаза, пот заливал лицо. Но он рьяно кидался вперёд, поражая противников одного за другим. Скольких уложил, не знал, но ощущение было тягостное. Боевое крещение давалось молодому графу непросто.

В наиболее неблагоприятные условия попал авангард ко-

ролевской армии, возглавляемый графом Оксфордом. Ирландцы отважно ринулись на него, но, когда основные силы короля пришли на выручку де Веру, не выдержав яростной атаки, всё же отступили. Наиболее серьёзными противниками оказались, как и ожидалось, германские наёмники. Они сражались стойко, и были уничтожены почти все, погиб и их командир Мартин Шульц. Наконец, силам Генриха удалось сбить повстанцев с холма, и они обратились в бегство.

Солнце ярко сияло в небе, как в обычный летний день, но на земле поле боя было устлано телами погибших. Среди них были найдены останки графа Линкольна. Фрэнсис Ловелл получил ранение. Стараясь спасти свою жизнь, он предпринял отчаянную попытку вплавь пересечь Трент. После этого его никто уже не видел. Сам Симнел и его неизменный опекун священник Ричард Саймон были захвачены в плен, как и многие другие повстанцы. Простые воины были тут же повешены без суда и следствия, дворянам предстояло держать ответ перед королевским судом. Саймон, как духовное лицо, не мог быть подвергнут смертной казни – его приговорили к длительному тюремному заключению. А, доставив в Ковентри, принудили при большом скоплении народа произнести покаянную речь и раскрыть настоящее имя претендента на трон. Самого Ламберта Симнела король пощадил, сохранив ему жизнь. Ведь десятилетний мальчик сам по себе не мог угрожать его власти. Однако от греха подальше он определил бывшего претендента на корону Англии под над-

зор повара – подручным на королевскую кухню.

Король Генрих получил свою победу и мог бы гордиться ею. Но сам-то он знал, что воин из него, мягко говоря, неважный. Поэтому всю тяжесть в вопросе защиты королевской власти он возложил на структуры розыскные и судебные, которые должны были бдительно охранять монарха и обеспечивать его безопасность. Созданная им в том же году так называемая «Звёздная палата», будучи специальным комитетом королевского Тайного совета, стала своеобразным трибуналом для обуздания непокорной знати. Генрих знал, что, несмотря на гибель последнего лидера йоркистского движения графа Линкольна, недовольных в его королевстве оставалось ещё предостаточно. Он, как мог, оборонял себя и свою корону, на которую, откровенно говоря, имел сомнительные права.

А молодой граф Бэкхем, вернулся в свои владения к великой радости матери, сестры и бабушки. Но он уже испил первый глоток хмельного напитка сражений и хотел укрепить себя как воина и рыцаря, достойного отца и деда. Поэтому охотно откликнулся на приглашение своего дядюшки, барона Филиппа Стэнхема, отправиться с ним на континент. Там происходили события, позволяющие рыцарям показать себя во всей силе.

Совсем недавно неожиданно скончался, неудачно упав с лошади, герцог Бретани Франциск II. Герцогская корона осталась одиннадцатилетней девочке, за которой тут же на-

чалась охота. Ещё бы! Юная герцогиня Бретани в собственном праве была лакомым кусочком для многих монарших домов. И в первых рядах охотников был, конечно же, король Франции, давно зарившийся на эти прибрежные земли.

Анна Бретонская нуждалась в поддержке и защите. И тут англичанам было, где развернуться. У герцогства Бретани были традиционно хорошие отношения с Англией, а сама наследница была в детстве даже обручена с принцем Уэльским, сыном Эдуарда IV. Разгоревшийся династический кризис, разумеется, привёл к обострению отношений между Францией и Бретанью. Началось противостояние. И, как полагал барон Стэнхем, английским рыцарям представлялась прекрасная возможность помахать мечом и наполнить свои карманы.

Юный Реджинальд был рад возможности по-мужски окрепнуть, тем более, рядом с воинственным дядюшкой и верным сэром Болтоном. И он переплыл пролив.

Вернулся он через год, возмужавший и окрепший. Ему шёл семнадцатый год, и теперь это был уже совсем не мальчик, а молодой, сильный мужчина. Реджинальд заметно раздался в плечах и стал даже выше ростом, хотя никогда не был низкорослым. Женщины смотрели на него нежно и зазывно, но его сердце ещё не тронул огонь любви.

Дома молодого графа ожидали любящие мать и сестра, чрезвычайно обрадовавшиеся его возвращению. Но не всё было так спокойно, как показалось на первый взгляд. И, про-

ведя тщательное дознание, граф выяснил истину.

Оказалось, что вскоре после его отъезда на континент, малышку Сесилию пригласили провести праздники в королевском дворце под крылышком королевы Элизабет. К этому времени красота девушки как раз начала расцветать. Она была удивительно хороша со своими огромными чёрными глазами и светлыми локонами, изящная, только-только наливающаяся женской силой. А во дворце было так весело – танцы, карнавалы, развлечения. И королева оказалась дуэньей не слишком строгой. В итоге юную Сесилию соблазнил молодой красавец Роджер, второй сын графа Эмпсона, весьма близко стоящего к монаршему трону. А, соблазнив девушку, он не стал держать язык за зубами, рассказывая о своей победе с великой гордостью всем, кто изъявлял желание его слушать. Сесилия Бэкхем была с позором отправлена домой.

Узнав обо всём этом, молодой Реджинальд, кипя гневом, отправился в Лондон. Там он встретил обидчика сестры и прямо в королевском дворце заколол его, поразив в самое сердце. Разразился скандал. Графа схватили, и Генрих велел судить его как государственного преступника, нарушившего покой королевской резиденции.

Через несколько дней Реджинальд предстал в «Звёздной палате» перед трибуналом, возглавляемым самим королём. Огромный мрачный зал под потолком, окрашенным в синий цвет с золотыми звёздами на нём, производил удручающее впечатление сам по себе. А тут ещё и лица королевских су-

дей выражали самое непреклонное желание наказать виновника скандала. Генрих был недоволен, и верные слуги из всех сил стремились угодить ему. Поэтому суд был недолгим и излишне строгим. Юного Реджинальда приговорили к смерти путём отсечения головы. А его владения переходили к короне. И тут он не сдержался. Долго скрываемая в душе ненависть к этому человеку прорвалась наружу, заглушив голос осторожности и здравого смысла.

– Ты можешь казнить меня, король-убийца, – громко сказал молодой граф, выпрямившись во весь свой немалый рост и гордо подняв голову, – тебе это не впервой. Там, в Босуорте, ты прятался за спинами своих подданных, трус, и одолел благородного короля Ричарда только коварным предательством. Ты убил и моего отца, а лучше его не было человека на земле. Я ненавижу тебя, и хочу, чтобы ты знал это.

Слова молодого графа отчётливо звучали в притихшем зале – присутствующие замерли в ужасе, ожидая королевского гнева. Генрих стал бледен до синевы, но ответ его прозвучал обманчиво спокойно.

– Ты успеешь пожалеть о своих словах, щенок, когда топор палача опустится на твою шею, – скривив побелевшие губы, произнёс король. – А до того времени сможешь много раз раскаяться, пока будешь ожидать казни в мрачной камере Тауэра.

И Генрих велел увести осуждённого. А казнь назначил на день, до которого было ещё почти полтора месяца. Он хотел,

чтобы оскорбивший его дворянин, мальчишка, которого он сделал рыцарем, помучился в своей мрачной камере. Пусть дойдёт до того, чтобы просить о помиловании, которого он, конечно же, ему не даст.

А в замке Бэкхем настали чёрные дни. Графиня Луиза стала похожа на тень от горя. Она пыталась добиться свидания с сыном, но ей не позволили. Тогда, спрятав гордость, несчастная женщина пошла на поклон к королеве. Она просила только одного – дать ей возможность ещё раз увидеть своего дорогого мальчика и прижать его к сердцу. Элизабет сумела убедить коронованного супруга, что это послужит более глубокому раскаянию преступника. И короткое свидание было разрешено.

Когда графиня Луиза спустилась вслед за сторожем в тёмную камеру с единственным маленьким окошком где-то под потолком, она была настолько потрясена видом сына, что едва удержалась на ногах. Реджинальд похудел, был бледен, лицо его заросло густой щетиной. Но дух его не был сломлен. Он нежно обнял мать, прижавшуюся к его груди, и велел ей быть стойкой в их общем горе.

– Так уж случилось, матушка, – прошептал он ей в волосы, – я не мог поступить иначе, простите меня. Я всегда ненавидел этого человека, убившего моего отца. Простите. И не вздумайте просить для меня помилования. Вы же понимаете, что его не будет. А я не хочу, чтобы вы унижались перед этим бессердечным монархом. Я готов принять смерть, раз

уж так случилось. Зато я отомстил за сестру.

Они постояли несколько минут молча, отдаваясь счастьем близости друг к другу. Потом Реджинальд снова заговорил.

– Я хочу, чтобы вы знали, что я всегда любил вас, матушка, и сейчас горячо люблю, – голос его охрип. – И я умру с вашим именем на устах. Передайте мою любовь Сесилии и поцелуйте за меня руку бабушки, когда увидите её. А теперь идите, родная моя. Идите к свету и теплу. И помните меня.

Графиня, заливаясь слезами, покинула камеру заключённого – сторож как раз оповестил её, что свидание окончено. С тех пор она никогда уже не улыбалась и до конца дней глаза её были наполнены неизбывной болью.

Когда наступил день казни, возле Тауэр-Хилла собралась огромная масса людей. Но нигде не было слышно весёлых разговоров, как случалось частенько. Люди были подавлены и удручены. Когда стражники вывели молодого графа Бэкхема, гладко выбритого и одетого в чистую одежду, по толпе прошёл ропот. Он был так хорош – молодой, сильный, красивый. Граф шёл к эшафоту, гордо подняв голову и твёрдо ступая. Ему не повезло погибнуть в битве, как отцу, но здесь, на плахе, он не посрамит памяти деда. Поднявшись на помост, где его уже дожидался палач, Реджинальд поднял голову, посмотрел в ясное летнее небо и пошёл к плахе. Священник что-то говорил ему, но он отмахнулся от назойливых наставлений – всё, что нужно, было уже сказано. Настала звенящая тишина, хотя на холме собралось огромное ко-

личество людей. И в этой тишине прозвучал чистый молодой голос:

– Прощай, жизнь! Прощайте, матушка! Я иду к отцу и деду. Я не посрамил их чести и горд этим.

С этими словами он положил голову на деревянную колоду, и топор палача взвился над ним. Но месть короля Генриха не была ещё завершена. Топор опускался на шею казнимого три раза, прежде чем всё было кончено.

Толпа угрожающе заворчала. И тут раздался громкий мужской голос.

– Убей и меня, никчемный трус Генрих Тюдор, – зазвучал он над притихшим опять холмом. – Я проклиная тебя и предрекаю, что за это преступление ты заплатишься смертью своего наследника. Ему не дожить до возраста убитого тобой графа Бэкхема. Давай же, тиран, хватай меня. Я хочу упокоиться рядом с моим мальчиком, которого я вырастил после того, как ты убил его отца.

Генрих сам стал похож на мертвеца, услышав эти слова. Он сделал знак рукой, и мужчину схватили и поволокли к плахе, где он без принуждения положил голову на залитую кровью Реджинальда деревянную колоду. Топор палача взлетел снова, но на этот раз всё было кончено с первого удара.

И тут ясное летнее небо как-то мгновенно затянуло грозовыми тучами, и злой ливень обрушился на людей. Но тем, кто уже покинул этот мир, было всё равно.

На другой день после свершившейся казни графиня Лу-

иза постриглась в тот же монастырь, где уже много лет пребывала её мать. Руку несчастной Сесилии вместе с замком и титулом король отдал своему надёжному человеку, который был лет на двадцать старше невесты. Тот никогда так и не простил её позора и до конца жизни попрекал жену. А когда супруг скончался, Сесилия тоже изъявила желание покинуть суетный мир и найти утешение в молитве. Она разделила судьбу своей матери и бабушки, хотя, в отличие от них, никогда так и не узнала радостей любви.

Глава 2

Заботы короля Генриха

Осень 1488 года

Стоял тёплый и солнечный день золотой осени, какими английская земля не часто радуется людям. А король Генрих, уединившись, предавался размышлениям. Сегодня его потянуло на воспоминания. Но это была отнюдь не сентиментальная прихоть, нет. Его холодной расчётливой натуре не свойственны были такие слабости. Он привык трезво оценивать обстановку и находить разумные решения встающих перед ним проблем. А сейчас их, этих самых проблем, было больше, гораздо больше, чем ему бы хотелось. И, ещё раз оценив прошлое, следовало тщательно продумать действия, которые нужно предпринять, чтобы обеспечить своё будущее.

Прошло три года с той страшной битвы, в результате которой золотая корона Англии, о которой столько лет мечталось вдали от её берегов, оказалась, наконец, на его голове. Отчим, лорд Томас Стэнли, сдержал своё обещание и сделал его королём, водрузив отнятую у поверженного Ричарда корону на его голову прямо на поле боя. И это видели все, кто был с ним, и склонились перед новым монархом. В этот момент они все ликовали, потому что одержали победу над

превосходящими силами противника и свалили-таки Белого Вепря. Хотя многие понимали, что, как на охоте, взяли сильного зверя не в открытой схватке один на один, а затравив огромной сворой разъярённых псов.

Ему никогда не забыть последних минут этой отчаянной схватки. Сам он притаился среди своих верных людей, из-за их спин наблюдая за ходом боя. Рисковать своей жизнью он не собирался. За него воевали любящий дядюшка Джаспер Тюдор, граф Пембрук, в замке которого он, Генрих, родился двадцать восемь лет назад, и долгие годы верный Ланкастерам Джон де Вер, граф Оксфорд, сильный воин и хороший стратег. Но всей их силы и умения не хватило бы, если бы Ричарда не предали те, кому он доверял. Генри Перси, граф Нортумберленд, за которым стояли немалые силы, так и остался наблюдателем, не сдвинув свои войска с места. Верный слову Говард, герцог Норфолк кинулся в схватку, но вскоре пал, когда на него напали с двух сторон. Один противник сумел выбить у него меч, кажется, вместе с рукой, а другой обрушил на его голову сокрушительный удар булавы. Это оружие, столь излюбленное в старые времена на континенте монахами-воинами, которым запрещено было проливать кровь, никогда не подводило. Герцог Норфолк рухнул, как подкошенный. Он, Генрих, возликовал – это был сильный противник.

Ричард, стоя на холме в окружении своих рыцарей, тоже видел это. Заметил он, разумеется, и то, что граф Нортум-

берленд не тронулся с места. И, несомненно, обратил внимание, что лорд Стэнли медлит со вступлением в схватку. Ну да, Стэнли выжидал. Ведь его сын был в заложниках у Ричарда. Да и преданность отчима ему, Генриху, была весьма относительной – лорда волновала в первую очередь собственная выгода. Это он, Генрих, будучи человеком умным и пройдя обучение при дворе французского короля Людовика XI, непревзойденного мастера хитросплетений интриг и неожиданных для противника ходов, понимал отчётливо. И тогда Ричард сказал что-то окружавшим его рыцарям и надел шлем. А потом...

В памяти Генриха навсегда, сколько бы ни довелось ему прожить на этом свете, запечатлелась та страшная атака, которая была нацелена прямо на него. Одной мощной лавиной, остриём которой был сам Ричард, рыцари короля скатились с холма, круша всё на своём пути. Над ними реяли королевский штандарт и личное знамя Ричарда с Белым Вепрем. Кажется, остановить их не может уже ничто. Генрих замер, как кролик перед удавом. Он уже видел Ричарда прямо перед собой. Тот рубился, как одержимый, рвался к нему, Генриху, неся ему смерть. Вот пал, обливаясь кровью, Уильям Брэндон, и знамя с Красным Драконом выпало из его рук. Верный знаменосец успел закрыть собой своего господина. В сознании Генриха всё остановилось, картина замерла, как в сказке про злого волшебника, заколдовавшего королевство.

А потом всё пришло в движение. Ричарду не дали дотя-

нуться до него. Лорд Стэнли, оценив обстановку и отбросив колебания, ударил в спину отряду короля. Генрих видел как один за другим падали рыцари Ричарда. Вот упал, как подкошенный, его знаменосец со стягом Белого Вепря. Ему отрубили обе ноги, но он, упрямый, лёжа на животе и заливая землю алой кровью, всё поднимал над головой знамя Ричарда, не давая ему упасть в грязь. Что это – простое упрямство или негибаемая верность? Похоже, рыцари Ричарда тоже прониклись его девизом, который прокричал отчаявшийся король, кидаясь в свою последнюю схватку, – «Верность обязывает меня». Обидно, конечно, но эту верность он видел своими глазами. Положение отряда Ричарда было безнадёжным. Но каждый из его рыцарей бился отчаянно, до конца, дорого продавая свою жизнь.

Сам Ричард, окружённый валлийскими воинами Генриха, был похож на могучего зверя, атакуемого сворой разъярённых собак. Он отбивался яростно, нанося разящие удары своего меча направо и налево. Но окруживших его врагов было слишком много. И это были не рыцари, а простые воины, которым кровь ударила в голову от сознания, что они могут свалить самого короля. Они наседали со всех сторон. Вот уже убит конь под Ричардом. Его самого стащили на землю и принялись наносить удар за ударом тяжёлыми алебардами. Солдаты, войдя в раж, искромсали бы его на куски. Но Генрих поднял руку, останавливая избиение павшего и уже неживого противника. Его тело нужно было сохра-

нить узнаваемым, чтобы предъявить англичанам поверженного монарха. По приказу победителя с Ричарда стянули доспехи, а потом взвалили его тело на лошадь, как мешок с мукой, и отправили в Лестер. Никаких почестей он, разумеется, не получит. Потому что и мёртвый он угрожает ему, Генриху. И несущийся прямо на него неустрашимый Ричард, рыцарь до мозга костей, стал его ночным кошмаром на много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.